

8 ветушенко 3

21.08.1984

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

НЕНАПИСАННЫЕ СТИХИ

В чем он, необыкновенный феномен в жизни нашего искусства, называемый Евтушенко? Более тридцати лет это имя озадачивает, грохочет, будоражит...

Друзья уходят вслед за немолчаливым бегом времени. Сходят с дистанции, бронзовеют, становятся «солидными», маститыми, ворчат по поводу молодежи, жалуются на отсутствие талантов... Но так, впрочем, и должно быть, наверное?

А Евтушенко не унимается, все шумит, чего-то требует, дерется, экспериментирует, хотя лета давно к суровой прозе клонят, к стабильности, к лаврам... Вот и собрание сочинений... «Его в школе проходили! А он не унимается—все суется, все хочет еще чего-то, стихов ему мало, так он роман сварганил, как твердый троичник, выставку фотографий устроил, в кино снялся, с твоей легкой руки. А зачем все это? Зачем!—схватил меня за руку на улице вполне интеллигентный критик из среды молодежи.—Нет, ты видел, видел, что он наделал в кино? Разве бы уважающий себя поэт...»

И мой знакомый, подняв очи к небу, не ожидая ответа, ушел с воздетыми от возмущения руками так быстро, что я не успел его разочаровать: я сторонник фильма «Детский сад» поэта Евтушенко.

Куда же ты, мой безапелляционный оппонент, твердо уверовавший в нелогичность своего вкуса? Могут быть и другие мнения... Но мой критик уже скрылся в летней толпе, запросто смешался с обыкновенными зрителями, которыми, может быть, завтра он поведаст свою квалифицированную точку зрения, предложит свой ракурс для рассмотрения нового фильма.

Люди верят магии печатного слова, еще Пушкин замечал, что самое неосновательное суждение, глупое утверждение получает вес от волшебного влияния типографии. Зритель может поверить Критику, его глазами увидеть картину, а это будет обидно и несправедливо. Что подделаешь, фильм «Детский сад» не укладывается в привычные критические схемы, его жанр, пожелай, появился вместе с самим фильмом. Он совсем не годится для обычного оценочного восприятия просто потому, что не имеет аналогов.

Фильм Евтушенко появился на стыке искусств, вобрав в себя приемы и способы воздействия на зрителя не только кино, но и поэзии, фотографии и даже театра масок. Фильм сделан против многих так называемых кинематографических правил, но он живой, волнующий в отличие от математически выстроенных мертвых картин. И потом, наверное, странно упрекать Пиромани или Руссо за то, что они не умели рисовать.

Попробуем разобраться в фильме по тем законам, которые предлагает автор, с нашей точки зрения, конечно.

Я помню это ослепительное довоенное солнце детства, веселых взрослых, мороженое, товарищей по играм, потом сразу — затемнение на окнах, бомбежки, смерть моего друга Вили: пароход, на котором эвакуировалось более тысячи детей, был торпедирован и разбомблен.

в фильмах, книгах, полотнах... Но почему все-таки фильм? Поэт Евтушенко — автор прекрасных стихов о военном детстве, некоторые из них стали сценами фильма, а не просто стихов, а стихов, если так можно выразиться, «визуальных» — герои его стихов видны, быт, атмосфера времени переданы удивительно емко, объемно.

И может быть, как раз все дело именно в том, что изобразительный, пластический дар поэта требовал иного воплощения — отсюда фотография, опыт актерской работы в кино...

А вероятнее всего, чтобы СЕГОДНЯ рассказать о военном детстве, понадобились средства кино. Хотя фильм все равно делал поэт по фамилии Евтушенко.

В трагических реалиях войны воскресают на экране воспоминания детства, сказочное, поэтически условное переплетается со страшным бытом военного времени — охота фашистского самолета на поезд с эвакуированными, смерть босского мальчика, первая братская могила, голодная очередь за хлебом (очень просто и сильно сделанная сцена), баракхолка, где новоспеченные куркули жиреют на народном горе, буквально раздвывая эвакуированных, где толпчат голодного Женю и скрипку, где потеря карточек равносильна потере жизни, где слепые и дети делают снаряды, а старики и вдовы отдают последние ценные вещи для фронта, для победы, делится последним куском хлеба... А рядом медведи, благородные воры... злодеи... сибирская баня...

Сколько всего перемешано — стили, жанры, виды и способы разных искусств — вот радость для критика: все не по науке, все рассыпается на какие-то осколки... А если не рассыпается, а если мозаика эпизодов собирается в целое? Надо только отойти чуть дальше, чуть дальше от привычных стереотипов восприятия, тем более что картина имеет внутреннюю эмоциональную логику, свои честно предложенные зрителю правила игры. Фильм «Детский сад» — естественное продолжение поэзии Евтушенко. Разнородные элементы соединяет воедино — чувство, страсть, яростное ЛЮБЛЮ — НЕНАВИЖУ. Так появляется жанр этого фильма.

Еще в 1954 году Евтушенко написал:

Я разный...
...я целе- и целесообразный...
Я так люблю, чтоб все пережалось!
И столько всякого во мне перемешалось...
И дальше:
...Да здравствует движение и жаркость...
Границы мне мешают...

Поэт верен своему кредо, своим собственным законам поэзии. Картина — это он. Он во всем. Здесь все его: ритм, интонация актеров, свет, выбор оптики. Хорошо это или плохо, не знаю, но это так. Это действительно авторское кино, и все победы и неудачи — это автор.

Самое удивительное, что картина снята режиссером Евтушенко в преодолении сценария драматурга Евтушенко. Прозаическое превращение стихов в сценарий разукрупнило их, лишило концентрации чувства, необходимые логические оправдательные связи потянули к банальности, к увиденному ранее.

Режиссер Евтушенко более всего выигрывает там, где он от кинопрозы уходит к кинопоэзии и дальше к емкости кинообраза.

Самая мощная, самая сильная, самая удавшаяся сцена фильма — сцена военных свадеб на станции Зима. «Свадь-

бы», однажды родившись в стихах, умерли в прозе сценария, чтобы вновь появиться в фильме, но шире, эпичнее, многозначнее. Эта грандиозная народная сцена, сыгранная почти всеми актерами, поражает сочетанием документальности и высокой поэзии. Удивительное перенесение в эпоху, массовое перевоплощение участников съемки, их страстное желание запечатлеть трагическое время, пережитое ими или их отцами и дедами, матерями, единый порыв, в котором режиссерская воля — всего лишь одно из слагаемых правды. И кажется, что сцена сама себя сняла. Живые голоса женщин, запись песен и частушек на воздухе, абсолютная, яростная достоверность в поведении людей рождают ощущение подлинной жизни. Ансамблевое слияние компонентов, как ни странно, не разрушается ни сверхширокоугольной оптикой, ни прямыми поэтическими метафорами, дидактически наивными вне воздуха фильма.

Фильм «Детский сад», хотел этого автор или нет, скорее всего народное сказание, где реализм и правда вымысла мирно соседствуют рядом. Не мешая, а дополняя друг друга: лирическая исповедь, рассказанная взрослым человеком, бывшим мальчиком, — многие детали прошлого потеряны, но есть память чувства, память воображения. Поэтому в одиссею Женю вторгаются медведи, воры, вернувшие старушке украденное, фальшивые слепцы, цыгане, плывущие на платформе у пушки; иголка, забытая солдатом в чехле, надетом на кремлевскую звезду, ждет своего солдата, и он возвращается живой, чтобы снять маскировочный чехол...

Полюса реального и сказочного бытия невероятно далеко разнесены друг от друга, и временами это расстояние чрезмерно. Домуправ, ожидающий Гитлера, — лысый монстр, персонаж театра масок с дочечкой, на которой по-немецки: «Я люблю фюрера», и сцена в зиминской школе — разговор о Родине, — прекрасно сыгранная детьми и поэтической Мариной Кудимовой. Коллекционно отобраны лица. Вообще фильм населен множеством непрофессиональных актеров с яркой индивидуальностью, они и создают реалистическую основу картины. А профессиональные актеры играют в основном сказочную, гротесковую часть.

Евтушенко вынес огромное напряжение каждодневного мучительного труда и борьбы с тысячами «нелзя», только в преодолении которых рождается искусство. Ему удалось сделать свое кино, свое, а не чужое, расхожее, так легко и радостно укладывающееся в прокрустово ложе схем, придуманных критиком.

Картина слишком похожа на Евтушенку, чтоб нравиться всем. Людей, не принимающих и не понимающих поэзию Евтушенко, не переделаешь. Да это и не надо. Каждый человек имеет право на свой поэтический мир.

Все ли мне безусловно нравится в картине? Конечно, нет, не все я принял, понял, разделил.

Но в одном я уверен: необходим добрый, непредвзятый взгляд на поиски человека, который давно уже часть нашего искусства, нашего времени.

Когда-то не написанные стихи Евгения Евтушенко появились сегодня на наших экранах как фильм. Кинопоэма «Детский сад» создана режиссером Евтушенко, она живет, будет жить, ибо плоть и кровью связана с жизнью и судьбой поэта.

Савва КУЛИШ.

О фильме Евгения Евтушенко «Детский сад»

Любопытная у нас дискуссия. Поэт поставил картину. Режиссер пишет рецензию. Мне, критику, в пору уйти в туманные поэтические недосказанности...

Ибо спорить об этом фильме трудно: он отчасти заявлен как антифильм. Любой твой упрек поэту легко перевести в разряд достоинств. Рядом с жизнеподобной сценой ты видишь плакат, аллегорическую выспренность. Что ж, это ассоциативный ряд, и кому, как не поэзии, обучать экран повествовательной смелости? Ты замечаешь с тоской, что сюжет к финалу потерял торжества, повторяется, пробуксовывает. История была о мальчишке, отправленном родителями из военной Москвы к бабушке в Сибирь. Ну так он уже добрался после жутких мытарств. Насмотрелся всяческих красноречивых ужасов. Но и это, оказывается, не конец, потому что в виде постскриптума стоит показать экзотическую охоту безумных баб на отчаянного сибирского медведя... Тебя тут же одернут, как педанта и ретрограда, ведь чтобы постигнуть «Детский сад», надо, оказывается, заново учиться кинематографу.

Надеюсь от всей души, что пестрая, но без озорства, бурливая эта лента хоть немножко встряхнет наши кинематографические нравы. Чего греха таить, еще встречаются вокруг нас молодые шаманы с вживскими дипломами. Заказывая глазки, они поют о святости самовыражения, а потом преподносят свои хилые, уместившиеся в крохотной интеллектуальной пробирке опусы. Как же им не спохватываться, если вышел смелый человек, сроду, наверное, не посещавший лекций ни по истории, ни по теории кино, с опытом всего только непрофессионального актера, — и нате вам, снял двухсерийное полотно на труднейшем материале, с грандиозными массовыми сценами, с необыкновенным тщанием в отделке каждого кадра, да еще и сам сыграл в эпизоде (по-моему, вполне хорошо сыграл).

И не полез бы я с моими замечаниями, если б не зарыло вокруг «Детского сада» этакое нечто сверхостороженное, если б не прозвучало уже, что перед нами образец на все времена, студия для почтительных подражаний, и хорошо бы всем, кто сдюжит, следовать в почтительном кильватере.

В кильватере — куда? Первое, что задает опытный глаз, — удивительная терпимость сценариста и режиссера к знаковым, примелькавшимся кадрам, как бы расквашенным кинематографическим цитатам. Видели, и не так уж давно, и голодную-холодную военную школу, и ящики перед станками, чтобы дотянуться подросткам, и сирот на паровозных буфе-

рах, и фашистского стервятника, пикирующего на эшелон беженцев... И часто у предшественников такой эпизод был сделан сильнее, драматичнее. «Ну и что?» — как бы спрашивает нас «Детский сад». Зато такие эпизоды существовали врозь, а теперь, взятые вместе, они получают новое качество, становятся энциклопедией нашей жизни тех лет, определенным духовным пластом нашей культуры. Это впрямую не декларируется, но подспудно подобная мысль, видимо, одолевала автора.

В замысле нынешнего создания блеснуло даже не открытие темы, тут нечто поважнее: подведение итогов, обобщенная формула, а по надеждам, думаю, — так, конечно же, заявка на эталон.

«Хотят ли русские войны?» — спросил когда-то Е. Евтушенко. И когда мы запели строки поэта на музыку Э. Колмановского, то не себя нам приходилось убеждать, «хотим» мы или «не хотим», — мы давали отпор, ставили на место нашего идеологического оппонента.

Строки эти теперь предпосланы «Детскому саду» как авторэпиграф. И закономерно предпосланы — ибо и замысел, и сам фильм в высшей степени гуманны в своей основе. Речь о другом: в какой степени удается автору и какими средствами художественно реализовать этот замысел? Вот они-то, средства, часто, кажется, не помогают, а начинают мешать автору. Предпосланный вначале вопрос, как бесконечное эхо, отзывается на всех структурных ярусах довольно прихотливой конструкции. Персонажи и события, детали-символы и фразы-афоризмы, подробности одежды и интерьеров, прекрасная музыка Глеба Мая, попытка мышления в цветовом монотаже — все, буквально все иллюстрирует главную мысль: да разве может эта земля, пережившая столько слез и бед, снова допустить военный пожар?.. Но странное при этом ощущение: чем дальше разворачивается фильм, тем яростнее в соперничестве возникает и крепнет этакое эстетическая отдаленность, и что-то преодолеть ее, кадры становятся все красочнее, все сердцевиднее. Не помню, когда еще в нашем кино так красиво были бы сняты голые пятки убитого мальчика, но само намерение снять это красиво не путает ли этику с эстетикой?

Да ведь если бы случайный просчет! Нежная скрипка под сапогом троглодита — неужели это пример кинематографического мышления? В сцене коллективной свадьбы новобранцев перед нами проходят простые, суровые, умные, замечательные крестьянские лица. Но не в силах удержаться, режиссер закончит эпизод показательной встречей невест и вдов, белого и черного

строка... Оттого ты теряешь доверие к суетливому экрану, который секунды истинного узнавания — теснит театральными представлениями на тему. Чего уж говорить о странном марше воинов с красными рыбками в аквариумах... Появляется ощущение, что фильм спроецирован на зрителя, плохо знающего и историю нашу, и географию. Мы с вами вскинемся в протест: это кто же гнал эвакуированную скотину вокруг Кремля, мимо Василия Блаженного? Мы вскинемся. А тот, для кого и Кремль, и Блаженный, и короли с курами — всего лишь «русская экзотика», тот скорее всего восхитится паразитной смелостью контрастных сопоставлений.

Чем еще для туриста знаменита Москва? Большим театром? Угадали, будет и он. Сверх комплекта дадут очень красивые осенние Чистые пруды. По сюжету все равно, где допрашивают фашисты отца героя, в Киеве или в Смоленске. Ну так почему бы не в Ясной Поляне, прямо под портретом человека с бородой, — еще один экзотический сувенир. В Сибири, кроме упомянутого медведя, кроме свадеб и резных изб, покажем знаменитую русскую парную, и пусть молодая красивая женщина со сломанной судьбой будет долго кувираться обнаженной в солнечном русском снегу (уникальная для нашего кино сцена хотя бы протрагичностью своей). А какая же Россия без цыган? Мы соберем их рваный, живописный табор, пусть танцуют они и поют при сорокаградусном морозе и пусть ведут содержательный спор, своя для них российская земля или чужая, надо ли идти из-за нее на фронт. Существует понятие блатной экзотики? Покажем и это, не жалея пленки, со всем пошлейшим набором карт, гитар, финок и браунингов в дамских сумочках, но пусть при этом бедняга Шпиль в исполнении Николая Караченцова рвет страсть в клоуны, избображая неутолимую тоску шпаны по фронтовым окопам! Опытные люди уверяют, что не было такой тоски в широких кругах уголовного отребья. Так то ж «по жизни», а мы — «на тему!» И как будет зрелищно!

Без поэзии Е. Евтушенко мы бы обидели нашу литературу шестидесятых, семидесятых, как, впрочем, без его характерной фигуры была бы, наверное, неполная история нашего общественного самосознания тех лет. Что до поэзии Е. Евтушенко, то о таком понятии, на мой сугубо личный взгляд, пока говорить преждевременно. Аналогичным образом «Детский сад» — любопытный эпизод репертуара, но отнюдь не принципиальное явление искусства кино. Одной только смелости, бесшабашной отваги для этого мало.

Виктор ДЕМИН.

ОДНОЙ ОТВАГИ МАЛО

ОТ РЕДАКЦИИ

Итак, два мнения, во многом полярные, исключающие друг друга, но в какой-то мере и дополняющие, помогающие создать объемное представление о картине Е. Евтушенко «Детский сад». Фильм вышел на экраны. И зритель, разумеется, будет оценивать его без скидок на дебют или громкую известность его автора. Не может оставить равнодушным, не вызвать активной поддержки изначальный гуманистический пафос этой ленты, ее обостренная антивоенная направленность, страстное отстаивание идеалов мира. Но очевидно и то, что фильм далеко не бесспорен, прежде всего по своему художественному решению. Между стремлением по-новаторски подойти к созданию фильма и его реальным художественным воплощением есть явные разрывы. Нельзя не видеть (и это отмечают почти все рецензенты фильма), что некоторые поэтические метафоры грешат вычурностью, искусственной усложненностью, в иных эпизодах автору не хватает чувства меры и вкуса. Высказываются кинематографисты, высказываются критики... Теперь — слово за зрителем.